4 Ауэзов М. Соболев Л
Абай
5.
110 111
1 апреля 1940.

Литературная Газета
МОСКВА

346

Мухтар АУЭЗОВ и Леонид СОБОЛЕВ

АБАЙ

Мухтар Ауэзов и Леонид Соболев закончили трагедию о жизни и деятельности классика казахской литературы Абая Кунанбаева. Ниже мы печатаем сцену второго акта «Родовой суд». Содержание этой сцены следующее: враги Абая Эрден и Жиренше, ненавидящие Абая за его проповедь человечности, за его борьбу против обветшалых обычаев, готовят убийство одного из его любимых учеников — поэта Айдара. Айдар полюбил Зуру, она отвечает ему взаимностью. Но будучи вдовой, она по обычаю должна перейти к Нарымбету, брату умершего мужа. Нарымбет принадлежит к лагерю врагов Абая, Абай, назвав себя ответчиком за Айдара, спас его от расправы, но этим самым лишил себя права выступать на суде. Это ответственное дело поручает он другому своему ученику — Кериму, которого Абай и выставляет своим бием — защитником на родовом суде.

СЫРТАН (аксакал, третейский судья). Э, родичи кровные! Шестиродные наставления. Стаей мы были мирной и дружной, крепким гнездом родства мы были. И вот — столкнулись на суровом полме пролитой вражды. Э, старейшины! Не мы ли велете бесценный караван мирного народа? Куда завели мы народ, не зная в спорах дороги? В какие теснины? Или, скажете, времена изменились, законы обветшали? Э, водители каравана. Найдем ли путь на крутых скалах дальнем, чтоб беды выросли в бедствия? Или хотите, чтоб бурный реалин и русло перерыли? Куда держите путь, скажите? Я буду жить по главе каравана. (Мирзиш, торжественно поднял свою плеть, кладет ее в ноги Сыртану).

КАРДЫГАШ. Что это он? Зачем бросил камчу?

КОКПАЙ. Хочет говорить... Замолчи.

ЖИРЕНШЕ. Вражда двоих — беда двоим. Вражда многих — бедствие для народа. Почему же не знает вражды тот, кто породил вражду в народе? Скажете, времена изменились? Нет, не изменились, так же восходит солнце, так же сияется луна. Скажете, законы обветшали? Нет, не обветшали, дети наши возчуются детьми, а не волчатами, жены наши возчуются женами, а не суками. Скажете, народ изменился? Нет, не изменился, предок мой — казах, родовой мой клин — Тобыкты, сын мой — казах. Но сегодня вырвали иноцы из моих рук, а завтра вырвут жену из моих объятий. Но сегодня насмеялись над трауром, а завтра плюнут в могилу моего отца. Но сегодня стравили во вражде родственников, а завтра сын убьет отца, внук угонит стадо у деда... Что же остается мне, как не рыдать на то, кто вздумает вражду среди народа? Выбирать мне не нужно. Решение одно. Пусть погибнут дикие предрассудки, чтобы был здоров остальной народ. Пусть умрут собачьей смертью! Пусть, привязаны к хвостам коней, волокут их по многолюдным жайлау, чтобы видели сыновья и дочери дикую кару, постигшую тех, кто породил вражду в народе! (Молчание. Керим бросает свою камчу.)

КАРДЫГАШ. Немилостивый бог, что сказал... Что же ответить Кериму?

КОКПАЙ. Молчи... какие кровавые слова!

КЕРИМ. И мой предок — казах, и мой клин — Тобыкты, и мой сын будет казахом. Народ не изменился, это правда. Времена не изменились, в это правда. Но у времен есть дни и ночи, есть благоухающий май и жестокий январь. Все старцы подобны, и они — тот суровый январь. Все юные подобны, и сам-то лазурное майское утро. Как сговорятся, как поймут друг друга? Помните ли вы, Жиренше-ага, или уже забыли о светоче жизни, именуемом любовью? Слышали ли вы о семи парах влюбленных? Были Лейла и Мединун, Баян и Корнеш, Юсуф и Зулейха, Ромео и Джульетта. И вот еще пара. Мечется Зура, сиротливый ягненок: кто повелит, куда поведет? Принял Айдар, сорвал стынущее сердце, повел за собой. — Как обвинить Зуру? В опустелом снеге плакал ягненок: кто защита, кто опора? Пришел Айдар, вынул тепло, прижал к сердцу — как же обвинить Зуру? Стояла в горах озеро, замкнутое скалами, ударила молния, разбила скалы, озеро хлынуло в долину. — Как же, за что обвинить Зуру? Но вы скажете: река мутится в устьи, рыба гниет с головы, — но осень виновна. Айдар. Он разорвал чудное гнездо, он разбил скалы закона, — скажете вы. Пусть так. Но кто же это сделал? Кто Айдар? Имя Айдар значит: лев. Айдар — золотой венец казахской песни, сияющий светлой мечтой среди темного табуна. Как же не пощадите вы Айдара? Но вы скажете: если золотое седло тянет спину лошади, сбивает ее с ходу. А если оно — драгоценность, какой не видел мир? Сам Абай назвал Айдара лучшим из тобыктинских аулмов. Как задушите соловья, как убьете песни, как же не пощадите вы Айдара? Но вы скажете еще: зачем же, не подумав, зажег он вражду в народе? Не Айдар молод, а молодость пылка. Но Айдар — поэт, а поэты пылки. Но Айдар горит любовью, а любовь пылка. Страсть не думает, не оглядывается. Как же не пощадите вы Айдара?

ЖИРЕНШЕ (злобно усмехаясь). Все, что ты сказал, это — пылкость? Пылкость, залыгал, так не судят? Даже коты в ней помнят себя. Кот, в тот, запыхав страстью, бежит с кошкой на глаза человека, чтобы он помешал яростям других котов. Неужели твой Айдар безумнее кота? (Смех в группе Эрдена.)

КЕРИМ. Не мне давать вам советы, почтенный Жиренше, но никогда не говорите с тем, что забыли на совесть. Не будете той обыкновенной девушкой, которая спросила, для чего сделан гребешок... Но если шайтан пошутит, заставит вас вспыхнуть страстью, — не ломайте долго головы, где искать защиты, бегите с запиской кошкой прямо ко мне! (Смех в группе Абая.) Где вам разобраться, что у влюбленных в сердце и что в голове? Зачем вам тревожить забытое?

ЖИРЕНШЕ. Нет, я не забывчив. Забывчив ты. Почему забыл ты о Кыз-Жибек, о золотом примере для женщин? Почему забыл ты о той, кто семь лет дралась грудь, пока не пришел брат мужа, законный его наследник? Вот кого надо было вспомнить сегодня, а не каких-то Ромео-Жульеттт! Зачем сунешь вам русские сказки? Ты, может быть, поведешь завтра этот народ в церковь?

ГОЛОСА. Куда ведет!

Обсуживай других своей Жулиеттой!

СЫРТАН. Говорите дальше.

ДАУЛЕТ. Сказал я, ударит его эта глыба о камень. Видишь, куда прыгнул — под шелень!

СЫРТАН. Говорите, я жду...

КОКПАЙ. Помолчи! Говори же.

КАРДЫГАШ. Вались — думает!

КОКПАЙ. Что ты понимаешь! Скажет аксакал в третий раз — и кончено. Значит, побоялся Жиренше.

КАРДЫГАШ. Ой-бой, какой ужас... Что ж он стоит, как заезженный конь?..

СЫРТАН. Ну... (Керим бросает камчу.)

КАРДЫГАШ. Фу, проклятый, вышвырнул ногами!

КЕРИМ. Что знает слепой кроме того, что достанут пальцы? Если бы вы не прожили жизнь в невежестве, Жиренше, вы бы знали имена Ромео и Джульетты. Но напрасно слепому показывать на луну, возьмем те, что ощущают ваши пальцы. Скажите, осудил ли народ ту девушку-калымчу, которая бежала от родных с пленником Сауматом, влюбившись в его пленных? Не сложил ли он о ней трогательную повесть? Не так ли и Зура полюбила сладкие напевы акына Айдара?

ЖИРЕНШЕ. Ты все говоришь о том, что Зуру затащил в бедину Айдар на своем арбаке. Не хочешь ли ты вытащить из приговора Зуру, на том же арбаке вытащить ее ней и Айдара? Давай, разрубим арбаа, — я конец, привязанный к Зуре, отдадим по обычаю в руки Нарымбета...

КАРДЫГАШ. Зура спасена! Кокпай, слышишь, одну уже спас.

ЖИРЕНШЕ. Пусть живет женой Нарымбета, пусть замаливает свой грех. Но другой конец арбаа я не выпущу, пока не привяжу к хвосту коня... Ты сам сказал, что рыба гниет с головы. Ты сам сказал, что Айдар посеял вражду, что он нарушил закон, что он раскрыл нас. Что же нам спорить об Айдаре?

КЕРИМ. Скажите, разве не достоин проклятия кусп, если он отворит ворцуку спрятавшегося у ним жаворонка? Айдар пришел к нам из чужого рода, преследуемый своими. Кто дал ему тогда слово защиты? Абай. Кто принял его, тогдамого и несчастного? Семья Абая Но Абай — лишь листок, а семья Абая — лишь ветка в кусте рода Тобыкты. Айдар просил защиты у Абая, значит, просил защиты у нас, у меня, у Эрдена, у всего рода Тобыкты. Что же, убьем Айдара, доверившегося чести рода Тобыкты? Сидящие, кто изменяет данному слову? — род Тобыкты. Кто нарушает обычай защиты? — род Тобыкты. Кто злым чванством хуже, кто которым и жаворонку не найти защиты? — род Тобыкты...

ЖИРЕНШЕ. Э, Керим, не тебе защищать честь рода Тобыкты! Не тебе, кто бросил сегодня по чужим странам, вспоминать чужие связки. Чем возить возами издали, возьмем лучше меркам мбтини... Что сделал наш святой предок, достойный Анет, когда, как сообщал, пролитый Калкаман совратил женщину под трауром и смутил мирные дни народа? Он вложил лук и стрелы в руки славного батыра Кокенаи, и тот пустил стрелу в Калкамана. Так решил тогда наш род Тобыкты. А что сделал наш святой предок Кенгирбай, когда, как сегодня, преступные любовники Билиш и Кебек разожгли вражду народа? Он принимал их к хвостам коней и позвал по селам. Так решил тогда наш род Тобыкты. Ты говоришь, Айдар — аким, золотой венец песни, солонец народа? Но кем был Калкаман? Любимцем народа он был, военной славой его. Разве пожалели его? Нет, в него вонзилась стрела Кокенаи, чтобы прекратить вражду в роде Тобыкты. Ты говоришь — Айдар под защитой народа? Что Айдар — жаворонок, спасшийся под кустом? Тысяч Айдаров — волк, рыскавший по степи. Волк надоел волку всем. Кто отвечал тогда на его злобный вой, кто впустил волка в ниже стадо? Это Абай и ты, вся ваша родственная семья! Ты, гнилой лист гниющей ветви, печалишься о целости куста? О, будь времена непреклонного Кенгирбая, давно уже отрубили бы вашу гниющую ветвь и кинули бы в огонь! Горите вместе с волком, которого вы приютили! Горите вместе с вашими преступными поучителями! Ты и Абай, вся ваша семья — одна шея, тростник для секиры!.. Ты, ты виноватый бием? Ты на бий, ты такой же преступник, как Айдар, такой же виновник в смуте среди рода. Настоящий ответ требую с тебя, с Абая, со всей вашей семьи!

МЯС. Так ли, так! Чтобы не встали!

СЫРТАН. Говорите дальше.

МЯС. О чем еще говорить!

СЫРТАН. Говорите, я жду.

КАРДЫГАШ. Керим... ну... Он ответил, да?

КОКПАЙ. Эй, зачем он пришел Абая! (Сыртану помогает подняться на ноги. Молчание.)

КАРДЫГАШ. Ой... боже! (Упала лицом в колени Кокпая.)

АБАЙ. Э, аксакал! Бывает ли на одной свадьбе две невесты?

ЭРДЕН. Что он заговорил? Замолчи, Абай!

Продолжение см. на 2-й стр.

* Вдова брата.